

Воскресенье, 30-го Марта 1908 г.

Обозрѣніе ТЕАТРОВЪ

Ежедневная газета съ программами
и либретто с-петербургскихъ театровъ

Среди великосвѣтскихъ любителей.

Любительское происхожденіе Московскаго Художественнаго театра научило относиться къ любительскимъ затѣямъ серьезно.

Особенно, когда любителствууетъ великосвѣтская молодежь или именитое купечество.

Чары искусства неотразимы.

Оно, искусство, завлекло купеческаго сына Алексѣева и перекрестило его въ Станиславскаго.

Оно, того гляди, заберетъ въ свои сѣти и великосвѣтскихъ юнцовъ и юницъ.

Я думалъ объ этомъ на любительскомъ спектаклѣ петербургской знати въ театрѣ «Комедія».

Знаменіе времени.

Въ дворцахъ Сумароковыхъ, Зубовыхъ, Гагариныхъ и Голицыныхъ играютъ актеры и актрисы, потомки Генадія Несчастливцева и Аркашки.

И играютъ... въ лото, макао...

Лучшіе дома столицы сданы подъ клубы.

А Сумароковы, Зубовы и Голицыны играютъ въ театрѣ для безработныхъ актеровъ, въ маленькой, пономенной «Комедія».

И играютъ... Гоголя, Чехова, Жемчужникова, Сухово-Кобылина.

И не играютъ, а играютъ!

Великосвѣтскій спектакль 28-го марта, который я прослушалъ отъ начала до конца, произвелъ на меня истинно пріятное впечатлѣніе.

Мало того: мнѣ, пресмыченному всякаго рода театральными «представленіями», онъ доставилъ удовольствіе, что на мою долю выпадаетъ, увы, очень рѣдко.

Прежде всего пріятно было наблюдать, какое то особенно деликатное, вѣжливое, аристократическое обращеніе съ искусствомъ.

У профессионаловъ не такъ, иначе выражается «любовь къ искусству».

Когда профессиональный актеръ говоритъ:

— Я люблю искусство!

Вамъ хочется ему досуфлировать:

— А искусство—это я!

Въ рѣчахъ любителей этой нескромности не чувствуется.

Особенно у великосвѣтскихъ любителей.

Когда графъ С. П. Зубовъ и кн. М. Д. Голицына на фонѣ красивой декораціи и въ стильныхъ костюмахъ разыгрывали маленькую комедію Коппе «Прохожій», мнѣ казалось, что они боятся показаться назойливыми въ глазахъ обожаемаго искусства.

— Мы, молъ, тебя обожаемъ, прими насъ, недостойныхъ, такими, какими мы есть. Мы дерзаемъ. но не дерзки.

И искусство, допускающее благоговѣйное поклоненіе и не терпящее дерзости, ихъ ми-

лостиво принимаетъ такими, какими они есть—любящими, восторженными.

«Прохожій» Коппе очаровательная вещица—дуэль. Всего два дѣйствующихъ лица: Сильвія и Зането.

Для роли странствующаго пѣвца, чистаго юноши Зането гр. Зубовъ нашелъ на рѣдкость вѣрный, юношескій, наивный, задушевный, какой-то особенно честный тонъ.

Я не знаю гр. Зубова въ жизни, но если этотъ тонъ ему свойственъ, то ему можно предсказать серьезный успѣхъ въ разнообразныхъ роляхъ романтическаго репертуара—отъ шекспировскаго Ромео до ростановскихъ «Романтиковъ». Отмѣчу еще благодарную вѣтшность, пріятный голосъ, хорошее чтеніе.

Кн. М. Д. Голицына чувствуетъ себя менѣе свободно на сценѣ, очевидно, волнуется, вслѣдствіе чего мало пользуется своими благодарными данными для надлежащей позировки, часто не выдерживаетъ или передерживаетъ паузы.

До «Прохожаго» разыгрывала была изъ «Мертвыхъ душъ» сцену у Бетрищева. Заправскимъ актеромъ держится на сценѣ любитель С. Д. Шубинъ-Поздѣвъ — изображавшій Чичикова.

Бетрищева игралъ г. Бартъ, а Улиньку—г-жа Головина.

Затѣмъ шелъ чеховскій «Юбилей».

Если не считать[с] импровизированностью обстановки, въ которой не было и тѣни банка, эта прелестная юмореска славнаго Чехонте получила здѣсь достойное сценическое воспроизведеніе.

Чеховскіе типы фатоватаго дѣльца Шипучина (гр. Сумароковъ-Эльстонъ), болтушки Шипучиной (г-жа Головина), бухгалтера-женофоба Хирина (г. Бартъ) Мерчуткина (кн. М. К. Голицына)—все они были на сценѣ.

Все комическія изложенія переданы были съ сценическимъ тактомъ, съ чувствомъ мѣры, за исключеніемъ финала: поза опирающихся другъ на друга Шипучина и Мерчуткиной излишне утрирована.

По амплуа я бы распредѣлилъ исполнителей «Юбилея» такъ: гр. Сумароковъ-Эльстонъ—безспорно хорошій «фатъ» далматовскаго стиля. Г-жа Головина — милая комическая нянюшка (ея же Улинька—безцвѣтна), кн. М. К. Голицына — даровитая «комическая старуха», а г. Бартъ—комики, съ хорошимъ юмористическимъ тономъ.

Наибольшій интересъ, и интересъ литературный и сценическій, явилъ собою заключительный актъ спектакля: «Опрометчивый турка или пріятно-ли быть внукомъ», Кузмы Пруткова.

Въ дни похоронъ А. М. Жемчужникова постановка эта оказывается какъ нельзя болѣе кстати. Она напоминаетъ, что мы хоронимъ теперь не только маститаго поэта, но и великаго юмориста.

Любопытна и стилизованная постановка— не въ стилѣ Мейерхольда, а въ смыслѣ экономіи средствъ.

Мнѣ говорили, что графъ Сумароковъ-Эльстонъ, «выкопавшій» эту вещь для репертуара пока еще безыменного, но богатаго «именами» кружка, — встрѣтилъ среди любителей «оппозицію».

— Белиберда!.. Галиматья!.. говорили многіе.

Болѣе осторожные твердили:

— Не поймутъ!

Но истинно талантливое всегда для всѣхъ въ концѣ-концовъ становится яснымъ.

Публика слушала «естественно разговорныя представленія» Кузмы Пруtkова съ большимъ интересомъ и хохотала отъ души. Очевидно, тонкій, беззаботный юморъ доступенъ тонкой и беззаботной великосвѣтской публикѣ.

Исполненіе почти отвѣчало тонкости произведенія. Г. Бартъ превосходно, со всѣми оттѣнками прочиталъ прологъ «извѣстнаго писателя».

Типично загримированы были и переданы реплики Миловидова (гр. Сумароковъ-Эльстонъ), князя Ватыева (г. Викторъ), Либенталя (гр. С. П. Зубовъ) и Ивана Семеныча (г. Шубинъ-Поздѣвъ). Кн. М. К. Голицына, изображавшая «госпожу Разорваки» и здѣсь обнаружила свое комическое дарованіе.

Всѣ пьесы имѣли у наполнившей зрительный залъ великосвѣтской публики шумный и искренній успѣхъ.

Любопытно было наблюдать и великосвѣтскую публику.

На девяносто пять процентовъ она — прекраснаго пола. На двадцать дамъ едва приходится одинъ кавалеръ.

Дамы сидятъ парами.

Рядомъ съ красавицей—обязательно дурнушка.

Рядомъ съ молодой—старушка.

И. Осиповъ.

